

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16—18 июня 2016

Сессия клуба «Валдай»

**РОССИЯ И ЕС: ЧТО ПОСЛЕ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА»,
КОТОРОЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ?**

16 июня 2016 г., 14:15—15:30

Павильон F, Конференц-зал F3

Санкт-Петербург, Россия

2016

Модератор:

Али Аслан, Телеведущий, журналист

Выступающие:

Андрей Быстрицкий, Председатель совета Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Юбер Ведрин, Министр иностранных дел Французской Республики (1997—2002 гг.)

Евгений Винокуров, Директор, Центр интеграционных исследований, Евразийский банк развития (ЕАБР)

Райнер Зеле, Председатель правления, генеральный директор, OMV AG, президент, Российско-Германская внешнеторговая палата

Сергей Лавров, Министр иностранных дел Российской Федерации

Алексей Миллер, Председатель правления, заместитель председателя совета директоров, ПАО «Газпром»

А. Быстрицкий:

Скажу буквально несколько слов перед началом нашей сессии. Клуб «Валдай» давно и серьезно погружен в процесс обсуждения нынешней ситуации, повестки дня, отношений между Россией и Европейским союзом. Мы провели целую серию встреч на эту тему в Риме и в Брюсселе и планируем еще. В каком-то смысле нынешняя сессия является, с нашей точки зрения, необычайно важной и интересной. Она звено в общей цепи. По результатам наших бесед подготовлен доклад, с которым можно ознакомиться: он выставлен здесь среди образцов интеллектуальной деятельности нашего клуба. Этот доклад о шести принципах, которые наши эксперты и все члены клуба считают необходимыми для развития отношений с Европейским союзом. Мы полагаем, что это существенная для нас тема, потому что существует множество суждений об относительном сокращении доли торговли с Европейским союзом по мере роста экономических отношений в других направлениях. Тем не менее, ЕС все равно наш значимый партнер, и всем понятно, что построить нормальные гармоничные продуктивные отношения с ним является стратегической задачей. Мне кажется, такой взгляд разделяет существенная часть политической элиты и самих стран Европейского союза, и Российской Федерации. Большое спасибо. Я с удовольствием передаю слово нашему ведущему. Али, прошу Вас.

А. Аслан:

Thank you so much to Andrei Bystritsky, the Chairman of the Valdai Discussion Club. And what a treat and quite a timely discussion indeed, Mr. Chairman. The EU – Russia relations, let us put it frankly, have seen better days. So that is why this panel discussion here is so timely. Without any further ado, let me take this opportunity to introduce to you this distinguished panel. The gentleman to my right needs no further introduction. He is, of course, the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation. We are delighted to have him. Ladies and gentlemen, Sergey Lavrov.

Right next to him is somebody who held the post of Minister of France. He held the post from 1997 to 2002. A delight to welcome you here to the discussion, ladies and gentlemen, Hubert Vedrine.

And the gentleman to my left is an important figure obviously in Russian business. Delighted to have him with us. He is the Deputy Chairman of the Management Committee at Gazprom. Ladies and gentlemen, please welcome Alexander Medvedev.

All the way to the left is the Chairman of the Executive of the Board and CEO of the OMV Group, he is also the President of the Russian-German Chamber of Foreign Trade. Great to have him with us, Rainer Seele, ladies and gentlemen.

And last but not least, we are happy to have amongst us the Director of the Centre for Integration Studies of the Eurasian Development Bank (EDB) which is based in Almaty, Kazakhstan, but he himself is from St. Petersburg. Ladies and gentleman, Evgeny Vinokurov.

So, a lot to talk about, clearly, and I do want to get you involved at some point as well, but now it is my great pleasure to yield the floor to the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation. Sergey Lavrov, you have the word.

С. Лавров:

Большое спасибо. Я хочу поблагодарить Валдайский клуб за внимание к актуальным проблемам мировой политики. Думаю, что авторитетная аудитория, которая здесь собирается, как и на предыдущих мероприятиях Валдайского клуба, весьма и весьма заинтересована в том, чтобы искать возможности выправления отношений, которые сложились сейчас между Россией и Западом. Мы никогда не искали конфронтации, мы всегда выступали за равноправный взаимовыгодный диалог и в том, что касается Евросоюза, мы были открыты к самому широкому стратегическому партнерству с Евросоюзом, которое даже было провозглашено в конце 90-х годов. Сейчас мы слышим из Брюсселя, что Россия уже не стратегический партнер, хотя и остается стратегическим государством. Такая словесная эквилибристика хорошо нам знакома, и явно, по-моему, за ней скрывается неспособность или неготовность Евросоюза на данном этапе осмыслить

происходящее. Конечно же, мы видели пять принципов, которые Федерика Могерини озвучила в качестве подходов к отношениям с Россией на данном этапе. Мы считаем, что эти принципы не дают ответа на вопрос «Что делать?», они просто фиксируют достигнутый на основе солидарности подход Евросоюза к тому, чтобы максимально ограничивать отношения с нами в отдельных областях, в том числе в энергетике, и одновременно оставляя за собой право приглашать нас взаимодействовать там, где это выгодно Евросоюзу. Понятно, что такой подход сработать не может. *Business as usual* исключен. Эту фразу любят повторять в Брюсселе и в Вашингтоне, но мы-то давно уже этот «бизнес как обычно» не имеем в виду, выражая готовность взаимодействовать только на абсолютно обоюдовыгодной основе.

Кстати, насчет энергосотрудничества: у нас был целый набор секторальных диалогов с Евросоюзом, в том числе и по энергетике, и в январе заместитель председателя Еврокомиссии господин Шевчович приезжал в Москву. В ходе этого визита он высказал заинтересованность в возобновлении полноформатного энергетического диалога между Россией и Брюсселем. Ничего за этим не последовало. Мы, естественно, выразили нашу готовность к этому, но пока все остается, как и было, и доктринальные документы в сфере энергетики, которые Евросоюз принимает, прямо ставят задачу сократить зависимость от Российской Федерации. Мы понимаем, что значительная часть таких установок на свертывание сотрудничества с Россией генерируется из-за океана. У американцев есть свои экономические интересы. Вообще, сейчас создается такое впечатление, что вот этот вот период, когда логика игр с нулевыми результатами и требования определяться, с кем вы, «с нами или с ними» — эти требования адресовались практически всем постсоветским государствам, — и привели к кризису, который разразился на Украине. Мы видим, что здесь есть желание использовать эту ситуацию и для того, чтобы экономически потеснить нас в Европе, и заодно подлатать «натовскую солидарность», которая в отсутствие общего врага просто не может продолжаться. Но, сказав это, я хочу еще раз подчеркнуть, наверняка, Александр Медведев

подробнее про энергетику вам сможет рассказать, но я уверен, что текущий кризис должен помочь все-таки разобраться и нам, и Евросоюзу в том, как жить дальше. Мы не будем ни обижаться, ни уходить в изоляцию. Евросоюз — наш непосредственный сосед, важнейший торгово-экономический партнер, и я уверен, что развитие самых разнообразных связей и в экономике, и в политике, и в культуре, и в сфере безопасности, отвечает коренным интересам и России, и стран Европы.

Президент Путин в недавней статье в греческой газете «Катемирини» перед своим визитом в Грецию подчеркнул еще раз, что мы не видим неразрешимых проблем в наших отношениях с Евросоюзом, но главное — отказаться от той самой печальной игры с нулевой суммой и стараться опираться на свои национальные интересы, а не на придуманные принципы консенсуса, принципы солидарности, за которыми прячутся, по сути дела, возможности шантажа со стороны русофобского меньшинства (давайте называть вещи своими именами), и в итоге, те страны, которые чисто политически хотят разорвать отношения России с Западом, просто заставляют Евросоюз и НАТО выходить на позиции самого низкого общего знаменателя.

Мы можем бесконечно говорить о том, как урегулировать кризис на Украине, но есть Минские договоренности, и попытки их переписать неприемлемы, недопустимы. Надеемся, что воспитательная работа с Киевом будет проводиться нашими западными партнерами, тем более что и немцы, и французы, и даже американцы уже начинают уставать от своих капризных подопечных, которые подписали документ и не хотят его выполнять. Еще раз скажу, что мы ценим те голоса, которые в Европе стали часто раздаваться, в том числе и из рядов европейского бизнеса, которые разумно, здраво и трезво предлагают все-таки начать равноправный разговор и искать равноправные формы сотрудничества. Приведу пример: пару дней назад в газете «Коммерсантъ» вышла статья президента ассоциации итальянской промышленности в России Эрнесто Ферленги, в которой подчеркивается, что надо признавать де факто важную геополитическую роль России, и он даже сказал, что осталось убедить

Евросоюз в том, что невозможно избежать отношений с Россией. Представляете, уважаемым людям приходится произносить даже такие прописные истины, чтобы постараться переломить совершенно нездоровый период нашей совместной истории. Буквально через час—полтора, а то и раньше, начнется встреча президента Путина с Жан-Клодом Юнкером. Надеемся, что этот разговор поможет начать двигаться в том направлении, куда мы, я убежден, в итоге, все равно должны идти, если мы хотим опираться на интересы собственных стран и собственных народов. Спасибо.

А. Аслан:

Thank you, Mr. Lavrov. If I may ask you a quick follow-up. Both you and Jean-Claude Juncker have stressed today the importance of dialogue between the EU and Russia, it is of utmost importance to keep the dialogue open now. It seems clear that the big solution is not in place. So perhaps one should focus on smaller steps, one should take and one can take to come up with trust-building measures and you also alluded to that in your speech. Could you perhaps be a bit more concrete about what trust-building measures both sides could take at this point?

С. Лавров:

Мы провели инвентаризацию отношений с Евросоюзом, получилась достаточно внушительная non-paper. Мы рассчитываем передать ее коллегам и предложить провести подобную инвентаризацию вместе. На самом деле, полностью диалог не прерывался никогда. По большинству секторальных направлений эксперты встречаются: контакты продолжаются, но не на министерском уровне. Совсем недавно у нас состоялся очередной раунд диалога по миграции. Это тоже сфера наших общих интересов. И надеемся, что, если мы положим на бумагу факты, характеризующие сегодняшнее состояние дел, наверно, получится наглядно, и это поможет начать деловой разговор, отбросив все геополитические рассуждения и политиканскую риторику в сторону, потому что слишком дорого обходится желание играть в эти политические игры.

А. Аслан:

Playing games is too costly says Mr. Lavrov. I do know and understand that you have to leave this panel early to join another bilateral meeting, so I do want to give a chance perhaps to individuals here in the audience to address you before you take off.

Perhaps a lady to the left if you could, yes ask and perhaps introduce yourself quickly.

П. Черница:

Спасибо. Полина Черница, «РИА Новости».

Господин министр, на днях ваш коллега Джон Керри заявил, что терпение США в отношении того, как продвигается урегулирование в Сирии, и в отношении судьбы президента Асада подходит к концу. Позже Госдепартамент заявил, что в этом заявлении не было никакой угрозы. Как Вы можете его прокомментировать? Спасибо.

С. Лавров:

Я видел это заявление и крайне удивился: обычно Джон — выдержанный политик. Даже не знаю, что произошло. Также я видел уточнение, которое сделал представитель Госдепартамента. Все-таки надо, наверное, быть менее нетерпеливым или более терпеливым, тем более что президент Обама неоднократно говорил, что его администрация проводит политику стратегического терпения. И если говорить о сути того, что так взволновало Джона Керри, (а он сказал, что у них лопается терпение в связи с тем, что мы никак не можем сделать с Башаром Асадом то, что должны), то, во-первых, мы ничего никому не обязывались делать, никаких обещаний никому не давали, а договорились, что все, кто работает над сирийским урегулированием, будут руководствоваться договоренностями, достигнутыми в международной группе поддержки Сирии, которые были закреплены в резолюции Совета безопасности ООН. Напомню, в ней изложена всеобъемлющая стратегия, которая касается конкретных вещей, которые необходимо предпринять в военной области (прекращение боевых

действий, переход к прекращению огня), во-вторых, в гуманитарной области, и в политическом процессе, безусловно. Прекращение боевых действий, хотя и не стопроцентно, но все-таки помогло снизить значительно уровень насилия. В гуманитарной сфере, если в прошлом году лишь два или три осажденных района из 18 имели доступ к гуманитарной помощи, то в этом году их уже 15 из 18. И здесь огромную роль играет конструктивная позиция сирийского правительства. Да, они не сразу принимают все, что предлагает ООН: у них есть подозрение, что часть этой помощи может направляться противникам режима, и понятно, что правительство Сирии не хотело бы заниматься чем-то, что будет направлено против его собственных интересов. Но повторю, прогресс есть — его нет только в политическом процессе. Я только что встречался с Генеральным секретарем ООН, с ним был его специальный посланник по Сирии Стаффан де Мистура. Мы откровенно поговорили об этом. Никак не получается начать политический диалог с участием всех сирийских сторон, хотя Резолюция требует инклюзивного состава делегаций. Турки не пускают курдов, а так называемый самопровозглашенный высший комитет по переговорам отказывается признавать членов других оппозиционных групп за равных себе и требует, чтобы только его признавали как главного переговорщика, хотя в Резолюции написано, что на переговорах должны быть представлены все сирийские группы, включая эр-риядскую группу (это так называемый высший комитет), московскую группу и каирскую группу. И вот добиться того, чтобы эти люди сели за стол в полном соответствии с четким мандатом Совета безопасности не получается. И не по нашей вине, а по вине, собственно говоря, наших американских партнеров, которые почему-то не могут или не хотят нажать на своих союзников в регионе, а эти союзники в регионе занимают ультимативные позиции. Всем хорошо известно, что Партию демократического союза сирийских курдов не пускает за стол переговоров Турция. Они этого не скрывают и даже, по-моему, кичатся этим. И еще эта группа, которая называет себя высшим комитетом по переговорам, говорит, что они за стол переговоров вообще не будут садиться с правительством до тех пор, пока не прекратятся бомбардировки

позиций оппонентов режима, которые заинтересованы участвовать в процессе прекращения боевых действий. Напомню, что еще в феврале, когда собиралась Международная группа поддержки Сирии, никто иной, как Джон Керри публично заявил, что они принимают решение начинать процесс вовлечения оппозиции и правительства в режим прекращения боевых действий — это не касается позиции «Фронта ан-Нусры» и ИГИЛ, поэтому те группировки, которые сейчас территориально перемешаны с «Фронтом ан-Нусры» или с так называемым «Исламским государством» и которые не хотят быть объектом ударов, должны размежеваться физически и уйти с этих территорий с тем, чтобы борьба против «Фронта ан-Нусры» продолжалась эффективно, и чтобы сами эти группировки не пострадали. Керри сказал это в начале февраля. В конце февраля у нас был контакт с представителями американского разведывательного сообщества на очень высоком уровне. Мы им напомнили о том, что они обещали увести оппонентов режима, которые работают с США, с позиций «Фронта ан-Нусры», и наш коллега попросил две—три недели. Прошло уже три месяца, и сейчас американцы говорят нам, что у них не получается убрать хороших оппозиционеров с тех позиций, которые занимает «Джабхат ан-Нусра», и что на это им нужно еще два—три месяца. У меня создается впечатление, что это какая-то игра, и может быть, они хотят сохранить «Фронт ан-Нусры» в какой-то форме, а затем использовать его для свержения режима. По крайней мере, я в лоб об этом спросил Джона Керри, и он клянется-божится, что это не так, но тогда надо понять, почему американцы со всеми их возможностями не могут вывести с территорий, контролируемых бандитами и террористами те отряды, с которыми американцы работают. Получается замкнутый круг. Группа, которая называется Высшим комитетом по переговорам, говорит, что не сядет за стол с курдами и с прочими, а с Правительством тоже не сядут, пока не прекратятся бомбардировки, а если их прекратить, то это означает дать «Фронту ан-Нусры» возможность еще больше укрепиться за счет контрабанды, которая широким потоком продолжает идти из Турции в Сирию, — это и боевики, и военная техника, и оружие, и боеприпасы. Мы все это показываем

американцам — у нас ежедневно проходит видеоконференция между российской базой «Хмеймим» и командованием американской коалиции в столице Иордании. В Женеве создан круглосуточный совместный российско-американский центр оперативного реагирования на нарушения боевых действий. Кстати, эти каналы работают по-деловому: никаких истерик там не наблюдается, в отличие от публичного пространства, где на нас всех собак вешают, извините за грубое слово. Мы там предъявляем реальные факты, реальные снимки местности, показываем, кто где находится, где можно объявлять режим тишины, а где это просто неприемлемо, потому что мы будем играть на руку террористам. Надеюсь, что такое длинное описание наших отношений позволит лучше понять, что сейчас проявлять нетерпение в отношении нас некорректно.

А. Аслан:

Thank you, Foreign Minister Lavrov for your remarks, and I think that answers the question now. In your opening statements you have outlined the Russian position and the Russian wishes as far as putting the EU – Russian relations back on track. And now for the European reply if you like, for the European perspective we would very much like to hear from the Former French Foreign Minister Hubert Vedrine who perhaps will try to put Mr. Lavrov's remarks in context.

Ю. Ведрин:

Yes but do you know that I will speak in French?

А. Аслан:

I believe there are all translations provided – English, French and Russian – so everybody should be all set.

Ю. Ведрин:

Я хотел бы сказать очень простую вещь, при этом я не выражаю мнения Европейского союза. Есть господин Юнкер, который говорит от имени ЕС. Я

говорю как бывший министр иностранных дел Франции. Я активно участвую в международной жизни и думаю, что отношения между Западом и Советским Союзом в конце Холодной войны были лучше организованы и были более разумными, чем отношения между Западом и Россией за последние двадцать пять лет. Я думаю, что и те, и другие не правы. Я не буду сейчас приводить список российских ошибок. С моей точки зрения, это было бы нелюбезно и бесполезно. Но я думаю, что также много промахов было допущено как со стороны США, так и со стороны европейцев: аналитические ошибки, ошибки в тональности, стиле поведения и языке. Все, через что мы прошли за последние годы, в частности ловушка украинского кризиса, для обеих сторон это откат более чем на 20 лет. Меня это поражает. С моей точки зрения, историческая цель должна быть простой: нам надо воссоздать или просто построить прочные отношения между Европой и Россией. Мы являемся соседями — мы по определению партнеры, у нас есть стратегические позиции, и мы должны смотреть в будущее, причем в долгосрочную перспективу. Это соответствует нашим взаимным интересам. Но на данный момент мы находимся в ловушке, поскольку у нас накопилось серьезных ошибок, которые имели серьезные последствия для обеих сторон. Необходимо выбраться из украинской ловушки. Я думаю, что минский процесс, где Россия играет активную роль, действительно хорош. Я думаю, что из сложившейся ситуации мы можем выйти только поэтапно, одновременными параллельными шагами: если каждая страна будет действовать отдельно, мы ни к чему не придем. И когда мы сможем выйти из этого конфликта, мы сможем более широко рассматривать такие вопросы, как стратегические отношения с Европой, роль России в сирийской проблеме.

Я хотел бы сказать (повторяю, что говорю лично от себя), что западная позиция по Сирии провалилась. Она была принципиально обоснована, но не сработала, и на сегодняшний день Россия спасла режим Дамаска. Я думаю, что у России есть замечательная историческая возможность — она является и ответственностью одновременно — изобрести политический процесс вместе с американцами, немцами, французами и другими

участниками. Россия играет особую роль в определении того, какой будет Сирия завтрашнего дня, поскольку действительно трудно предусмотреть безопасность для всех сирийских групп, которые должны сосуществовать. У России есть своя позиция, и я думаю, что сейчас у нас есть ожидания действий России на Ближнем Востоке, и это будет напрямую влиять на имидж России в глазах европейцев, поэтому я жду действий со стороны России. Мы понимаем, что европейцы разделились по вопросам, связанным с Россией, но я считаю, что мы должны их дело прояснить. Совместно мы работали над общим подходом — о нем не надо подробно говорить, ведь господин Лавров знает это, как никто другой. Позиции различных европейских стран неодинаковы, и мы сделали этаким синтез наших отношений, провели аналитическую работу по вопросам сотрудничества с Россией в долгосрочной перспективе. Это сделал Жан-Клод Юнкер. Правильно, что он сегодня приехал: мы не можем заменять его собой, и он должен выразить общую позицию ЕС. Я думаю, что для того, чтобы выйти из нынешней ловушки, надо смотреть далеко. Мы ждем каких-то действий от России, но мы сами, со своей стороны, также должны приложить много усилий.

Это все, что я хотел сказать. Спасибо.

А. Аслан:

Thank you, Mr. Vedrine. If I may follow up also because you said correctly “Let’s get out of this trap”. This seems to be the common theme for Foreign Minister Lavrov, Jean-Claude Juncker, you yourself, everybody is yearning for a way to get out of this trap as you called it. So the same question that I asked Mr. Lavrov, I would like to post to you. Could you give us one or two concrete examples as to what could be done at this stage? Now we need to be realistic as what can be done. But what can be done as initial, perhaps, one or two steps that would lead us out of this trap?

Ю. Ведрин:

Я уже сказал, что Минские соглашения — это действительно хорошая основа, и «нормандский формат» тоже является неплохим рабочим инструментом. Но Минские соглашения — это некая цель, которую мы должны реализовать: предоставить определенную автономию русскоязычным меньшинствам на Востоке, восстановить суверенитет Украины и обеспечить безопасность на ее внешних границах. Естественно, есть определенные проблемы и сепаратистов, и Киева, и другие. Поэтому мы должны дополнить Минские соглашения процессом параллельного поэтапного продвижения вперед. Сегодня оно заблокировано, поскольку Россия говорит, что не будет действовать, пока не будут сняты санкции, а европейские лидеры говорят, что санкции будут сняты, когда Россия будет двигаться вперед. Я, конечно, несколько утрирую, но ситуация представляется именно таким образом. Таким образом, необходимо проделать очень тонкую работу, и господин Лавров упомянул некоторые элементы этого процесса, которые подразумевают действия, которые касались бы всех — европейцев, России, киевского правительства, сепаратистов. Мы должны совместить усилия всех этих сторон для продвижения вперед.

А. Аслан:

So clearly the burden is on both sides. I do want to give Foreign Minister Sergey Lavrov a chance but before I do, I have been instructed – please, everyone, speak loud and clear in the microphone. I think that has been the instruction that was given to me. I want to give you a chance of course to respond to what Mr. Vedrine was saying.

С. Лавров:

Я даже хочу не столько о том, что сказал Юбер, я хочу сказать о том, как украинский кризис становится этаким оселком, если хотите. Даже до Минских договоренностей давайте вспомним о том, как вводились санкции. Я не люблю о санкциях говорить, но здесь скажу не для того, чтобы показать, что это нам не нравится, а нравится не может, но мы будем все-

таки жить, уже зная, что против нас такие дискриминационные штучки могут делать нам. А логика этой конфронтации, которая, по моему глубокому убеждению, гнездится в гораздо более ранних событиях, которые были до украинского кризиса, и которые говорят о том, что сдерживание России уже достаточно давно осуществляется. Большая группа санкций была введена Евросоюзом практически сразу после того, как был сбит малазийский самолет над Украиной. Никто даже не стал объяснять, что надо провести расследование. Только мы одни настаивали на том, чтобы Совет безопасности принял жесткую резолюцию, в которой изложил бы требование провести открытое ответственное расследование в полном соответствии с международными стандартами и информировать Совет безопасности о том, как это расследование идет. Никто не представил ни одного доклада в Совет безопасности, а самостоятельно созданная группа для расследования причин катастрофы с участием голландцев, украинцев, австралийцев даже не позвала Малайзию, чей самолет был сбит. Позвали ее только в декабре, практически через полгода. Но санкции приняли быстро, и у всех было ощущение, что для них просто появился повод. Очередной блок санкций был принят в сентябре 2014 года, через три дня после того, как были подписаны первые Минские договоренности. Казалось бы, всех их приветствовали, но под сурдинку тогдашний председатель Евросовета, не проконсультировавшись с главами государств и правительств, издал распоряжение, которое действует до сих пор. Я знаю, что некоторые главы правительств в Европе высказали ему свое крайнее неудовольствие в связи с тем, что он самовольно принял решение, которое подрывает отношения между Россией и Евросоюзом. Но они высказали ему свое неудовольствие в приватном порядке и публично об этом не говорили. Потом очередное продление санкций было сразу после того, как были подписаны вторые Минские договоренности. Мне кажется, Евросоюз давно начал искать какую-то формулу, которая позволит выйти из этого замкнутого круга, и придумали, как они считали, очень удачный вариант, что санкции будут снимать, только когда Россия полностью выполнит Минские договоренности. Только что мы еще раз услышали от тех, кто читал

соответствующие документы, что выполнять Минские договоренности должны, прежде всего, украинские стороны. Там лично в адрес Киева записана большая часть параграфов из тринадцати, включая параграф о децентрализации, который был собственноручно написан канцлером Меркель и президентом Олландом. Там даже придумывать ничего не надо: просто бери эти формулировки и вписывай их в соответствующий закон. Такая формула, что санкции будут сняты, когда Россия выполнит Минские договоренности, полностью устраивает тех на Украине, которые вообще не хотят ничего делать, не хотят никакой децентрализации, никакой амнистии и никакого особого статуса. Они саботируют выполнение всех политических разделов Минских договоренностей и утверждают, что санкции нужно продлевать, потому что Россия не может заставить сепаратистов сложить оружие. Я бы только просил, когда мы обсуждаем этот вопрос, все-таки помнить, что те, кого называют сепаратистами, подписали Минские договоренности, в которых подтвержден суверенитет и территориальная целостность Украины. Неправильно называть их сепаратистами.

Вчера состоялась встреча контактной группы, и, по-моему, украинские коллеги вновь сказали, что политические разделы Минских договоренностей, которые касаются Киева, начнут выполняться, только если будет не менее трех месяцев полного безусловного, без единого нарушения, режима прекращения огня. Это просто нереально. Наверняка найдется, в том числе и на украинской стороне, желающий, который два раза выстрелит куда-нибудь, и они скажут, что нужно вести новый отсчет трех месяцев. Я хочу, чтобы наши коллеги поняли это. Вернее, я сформулирую это так: большинство европейцев, которое объективно следит за процессом, так это и понимает. И надеюсь, что говорят об этом, когда встречаются с украинскими руководителями им тоже. Но, наверное, пора уже и публично требовать прекратить саботировать Минские договоренности и начать тот самый прямой диалог между Киевом и Донбассом, который записан черным по белому в этом Минском документе. Там прямо сказано, что закон об особом статусе и поправки в Конституцию должны быть согласованы с этими районами. Поэтому, мне кажется, нужно

всегда понимать истоки происходящего, а они относятся к периоду до украинского кризиса. Можно вспоминать реакцию наших американских друзей на то, что произошло с Эдвардом Сноуденом, когда они просто требовали немедленно его вернуть, от нас требовали сделать не очень гуманный, не очень гуманитарный жест. И когда мы вежливо им объяснили, почему это не получится, Обама отменил визит в Москву, который планировался накануне саммита «Двадцатки» в Санкт-Петербурге. Представляете уровень, на котором высказывается обида и повод, по которому эта обида звучит. Я уже не говорю о законе Магнитского, который был принят задолго до украинских событий. Параллельно навязывались соответствующие решения Евросоюзу. А сейчас, когда независимый режиссер снял фильм о том, как дело Магнитского создавалось и как оно использовалось, запретили показывать этот фильм в Европарламенте, хотели запретить и в США. Вот ваша свобода слова. У нас есть много пословиц, и про шапку, которая горит, и про то, что что-то у нас бывает в пуху, но думаю, что всем надо просто понять, что конкуренция никуда не денется, и большие державы всегда будут хотеть влиять на события больше, чем средние державы. И всегда, наверное, Соединенные Штаты будут провозглашать цель своего существования как необходимость быть всегда и во всем сильнее всех. Это генетический код, но все-таки реализм должен восторжествовать. Я даже готов процитировать Черчилля, который сказал, что Соединенные Штаты всегда делают правильную вещь после того, как испробовали все остальное. Если в Ираке и в Ливии было столько наворочено неправильного, то есть надежда, если Черчилль, царствие ему небесное, был прав, что в Сирии, надеюсь, будет как-то получше.

А. Аслан:

Well, thank you. I think it has become abundantly clear from your remarks and also those of Mr. Vedrine that political relations between the EU and Russia are... Very good. I have just been told that the Foreign Minister will continue to join us here at this panel and I do want to give Mr. Vedrine the chance but not as of yet. Not as of yet. You will get a chance to respond but later because we do

have many more people here on this panel. With your permission I would like to move on because we have been talking obviously about the political dimension of the EU – Russian relations, but the business aspect is perhaps equally important and perhaps might be even the key for leaders out of this trap. And therefore I am very pleased to hear now from the Deputy Chairman of the Management Committee of Gazprom. How has this political quandary between the EU and Russia affected business between the two sides?

А. Медведев:

Добрый день, уважаемые дамы и господа. Мне особенно приятно участвовать в сегодняшней сессии, потому что, признаюсь, до сих пор мое участие в Валдайском клубе ограничивалось купанием в Валдайском озере. Но в то же самое время я десять лет принимаю участие в энергодиалоге России и Евросоюза, наблюдал его остановку, слышал обещания Евросоюза и Еврокомиссии переформатировать его, сделать его более практичным, но предложения мы пока не дождались. Хотя есть и хороший знак: ведутся неформальные консультации на уровне Директората по энергетике с участием представителей Министерства энергетики России, что дает надежду на то, что диалог может быть восстановлен.

Конечно, после того, что было сказано про политическую обстановку, можно посыпать голову пеплом, но ясно, что бизнес недоволен тем, как развиваются политические взаимоотношения. Что можно было бы сделать для восстановления стратегического партнерства с нашей стороны, со стороны бизнеса, в частности, энергетического? Я полагаю, что реализация крупных совместных энергетических проектов может вывести это сотрудничество на новый уровень и обеспечить его возобновление. За этим стоят очень простые факты, о многих уже сказал Алексей Борисович во время утренней сессии. Я просто напомню некоторые из них, самые простые. Неизбежно, я подчеркиваю, как бы ни развивалась экономика Европейского союза, даже если потребление газа не будет расти или даже будет сокращаться, Европе потребуются дополнительные 100 миллиардов кубометров импортного газа, если не в 2030 году, то в 2035 году точно. Но

нет мощностей, чтобы привезти эти 100 миллиардов кубометров, поэтому мы, со своей стороны, иницилируем такие проекты, как «Северный поток», который является абсолютно экономически обоснованным, технологически передовым и, с точки зрения защиты окружающей среды, более совершенным по сравнению с любым другим существующим маршрутом доставки газа. Зная об этих простых фактах, почему Европа не дает ответ на простой вопрос, сколько российского газа нужно для того, чтобы эффективно реализовать свой энергетический баланс. А мы задавали этот вопрос. И было это довольно давно. Ответа пока нет, хотя договорились провести совместное исследование на эту тему, но тут же возникают страшилки — всех пугают зависимостью от российского газа. Даже заложили принципы ее сокращения. Давайте посмотрим серьезно. В прошлом году доля российского газа в потреблении, не в импорте, достигла 31% — это самый высокий уровень за всю историю наших экспортных поставок. Тогда возникает вопрос: когда мы говорим о снижении так называемой зависимости, где ее желательный уровень? Насколько нужно ее сокращать? До пяти, до десяти, до нуля, до 20? Никто не может ответить на этот вопрос. Причина кроется в том, что, на самом деле, мы не односторонне зависим друг от друга. Если играть в эту игру, мы должны спросить себя, не чрезмерно ли мы зависим от денежного потока из стран Европейского союза, потому что каждый поставленный кубометр привозит нам доллар или евро валютной выручки? К сожалению, эти вопросы плохо обсуждаются. В зале присутствует Райнер Зеле, наш компаньон по «Северному потоку—2». Надеюсь, он добавит что-то к моим словам. Несмотря на сложные политические ситуации, наши партнеры по проекту приняли решение реализовывать его. Более того, чтобы не вызывать никаких домыслов, мы заявили, что проект будет осуществляться в полном соответствии с применяемым законодательством Европейского союза на территории Европейского союза. И более того, мы предпринимаем все необходимые действия для того, чтобы это было именно так. Но возникает третья коллизия: а не применить ли Третий энергетический пакет к морской части газопровода, хотя, честно говоря, даже юридическое управление

Еврокомиссии сказало, что это невозможно. Тем не менее, официального заявления на эту тему мы не слышали. Поэтому огромный потенциал реализации крупных проектов в области энергетики может дать надежду на стратегическое сотрудничество в этой сфере. Хочу напомнить, что поставки советского газа в Европу начинались тоже в очень непростой политической обстановке, и даже санкции одного известного государства действовали в то время. Но европейские политики в то время нашли в себе мудрость заключить долгосрочные контракты, которые обеспечили конкурентоспособность Европы на десятилетия вперед.

Скоро пройдет голосование по членству Великобритании в Евросоюзе. Задают вопрос: «А не повлияет ли решение Великобритании на судьбу газового бизнеса в Европе?» Хочу вам сказать, что не повлияет. Хочу, правда, восхититься английскими политиками без всяких кавычек: энергетическая политика Великобритании дает континентальной Европе хороший пример того, как надо работать, сокращать выбросы CO₂, угольной генерации и сохранять для газа место в энергетическом балансе. Поэтому, несмотря на тревожные политические нотки, мы все-таки надеемся, что, как и в древние времена, флаги пойдут за купеческими инвестиционными судами, и мы вернемся к стратегическому партнерству. Спасибо.

А. Аслан:

Thank you, Mr. Medvedev. And in the interests of time allow me to move on to our last two speakers, so that we can wrap up the session, perhaps taking a couple of questions of your own. Rainer Seele, you are up, and I am looking forward to your remarks about what you have to say. Thank you.

Р. Зеле:

Sure. Good afternoon, ladies and gentlemen. I would like to start my statement with a reaction to what Alexander Medvedev has said. I can confirm also from my point of view Europe needs more gas from Russia and, Alexander, I am ready to buy additional quantities. Why? Because whatever time we have seen in the past

48 years when we signed the first contract, Russia was always a reliable supplier of gas. It does not matter what kind of political relationship we saw in that period, we always got every molecule which we asked for and what was on the contract. I think this is a convincing statement that we should continue that business relationship we have built up. And I prepare myself, Alexander, that we are going to celebrate our golden wedding in two years' time. Coming back to some remarks from a member of the European industry, the ties with Russia are essential for Europe's economy. Europe needs economic growth not only to remain competitive on the global market but also to finance greater challenges that we ever expected. If we only look at the migration issue. I think we all agree that companies, large, mid-sized or small, are the backbone of a functioning, economy, society, employing people, generating GDP and tax income. The ones to enable these achievements are the business communities in Europe, and European economies need every possible partnership facilitated by politics. With regards to Russia, from my point of view, some European politicians have developed a blind spot. They are neglecting, ignoring, and counter-arguing this fact of a symbiosis relationship we do have. The bare economic reality however is very obvious. One way or the other, every single part of Europe has good business with Russia. The supplies even to those who are very loud and aggressive, and demonizing, are a major and reliable partner to Russia. Russia is a huge market for European products and services, and Russia is a reliable supplier of commodities, goods and services. We also need the political partnership with Russia despite a weakening trust. We need to mutually rebuild confidence and trust. Ant to rebuild trust we need healthy ways of communication and a dialogue with perspective of realistic deliverables. As a German national and CEO of Austrian largest oil and gas company, I am experiencing trustful partnership with Russia. I believe that Austria and Germany have an impressive track record in terms of relationship building and management. And credit for those goes to the respective political leadership of the countries. But unfortunately the reality of mutual benefit of this partnership is heavily overshadowed. The biggest cloud dimming the potential power of this relationship is, on the one hand, the lack of European identity which relates to

huge limitation of the EU to act as a union with one voice. The lack of European identity is further fuelled by non-European partners who have their own economic interests. We even have to observe that Europe is drifting apart on a number of issues, which brings me right to the second most worrying sphere. Whenever political leadership fails, business relations pay the price. The responsible political decision-makers need to inhale the principle that a healthy business relation is the sole medication for political stability between two partners within a region. Let me briefly touch on the discussion about sanctions and conditionality to lift them. Ladies and gentlemen, the price we pay is high. It is us, as Europe, who pays. It is also the Russian economy and population who is suffering. We Europeans are paying with a slump in exports, a loss of income, a loss of jobs. Russia is paying with recession, plummeting investment, depreciation of the rouble, inflation. And from what I can see, the economy in Ukraine is not blooming either. Economic sanctions melt away building some trades, or in other words, sanctions cost European incomes and jobs. A survey amongst German companies invested in Russia reveals a 60% demand of full lifting of the sanctions, another 28% suggest a gradual lifting of the sanctions again. In order to overcome the crisis Russia, does not only needs a higher oil price. Russia needs to invest in trust. By the way, Europe too. I am also saying this from my experience of hundreds of talks with German and Austrian companies. The currency of the foreign investment that Russia so urgently needs, is trust. What I can see, we are progressing. European partners are ready for joint investments. OMV together with four western European energy suppliers – Shell, ENGIE, Uniper, and BASF – jointly engage with Gazprom to build a new and modern gas infrastructure. Nord Stream 2 will direct the link gas sources with gas markets in Europe. Gas is the key ingredient to ensure competitiveness of European products. OMV's rationale to participate in the Nord Stream 2 project is quite simple. We have a clear and strong commitment to meet our demand to ensure Austria's energy supply. Secure access to gas sources is one element to fulfill this obligation. At the same time a reliable gas infrastructure between the energy source, our markets, and our customer is equally important. Transit monopolies need to be avoided or reduced. Thank you for your attention.

А. Аслан:

Thank you, Rainer Seele for your words and to sort of bring it home, last but not least speaker for the day is Mr. Vinokurov, Director of the Centre for Integration Studies of the Eurasian Development Bank. Looking forward to his remarks.

Е. Винокуров:

Спасибо.

Господин министр, дамы и господа, в дискуссии об отношениях России и Европы есть ближний и дальний горизонты. Наш модератор удачно подметил, что есть время малых шагов, а есть время больших решений. Давайте на минуту представим, что это время больших решений наступило, кризис завершен. И что мы делаем, что происходит? На этом этапе очень часто теряется время, уходит два—три года на то, чтобы сконструировать новую реальность, осознать, подготовить технические решения. При этом допускаются большие ошибки, как те, которые Россия сделала в начале 90-х годов, просто будучи ситуативно не готовой к новой реальности. Мы сейчас структурируем большой международный исследовательский проект под зонтиком международного института IASA, который расположен в Вене. Это международная организация, членами которой являются Россия и Беларусь. С евразийской стороны, Евразийский банк развития оказывает организационную и экспертную поддержку. Каким может быть это большое решение? Мы предлагаем подумать о большой сделке, или мега-сделке, в любом случае, о комплексном соглашении, которое бы увязало между собой все стороны этого сложнейшего уравнения Евразийского и Европейского союзов.

Во-первых, речь пойдет именно о соглашении между Европейским и Евразийским союзами. Государства-участники передали Евразийскому союзу более 140 наднациональных полномочий. Евразийский союз и Евразийская комиссия выступают формальной стороной в любом торгово-экономическом соглашении. Первое соглашение было заключено в ноябре с Вьетнамом, и стороной-подписантом, формальным субъектом переговоров является Евразийский союз, а не Россия и не Казахстан, как

отдельные государства — участники. Это новая реальность, которую гораздо сложнее осознать нашим европейским партнерам. Нужно говорить с национальными государствами, не только с Россией, с Казахстаном, с Белоруссией, но и нужно признать и начать цивилизованный диалог с Евразийской экономической комиссией.

Во-вторых, отношения между нашими союзами носят сверхкомплексный характер: мы насчитали порядка 20 доменов, по которым есть взаимный интерес во взаимном урегулировании отношений — от торговли услугами и товарами, третьего энергопакета до безвизового режима, интеллектуальной собственности, либерализации доступа на финансовые рынки, движения капитала, особого режима для приграничных регионов и Калининградской области, регулирования трансграничных транспортных коридоров, регулирования трансграничных энергетических инфраструктур и электроэнергетических рынков. По каждому из них нужно подготовить детальные технические разработки. Более того, нужно понять, как увязать вещи между собой. Интересы сторон ассиметричны: России и Казахстану, в первую очередь, совершенно не интересно голое торговое соглашение, когда обнуляются тарифы. Наш экспорт в страны Евросоюза носит преимущественно сырьевой характер. Тарифы на сырье или нулевые, или не превышают 5%. Наш импорт из Евросоюза по каскадным тарифам гораздо выше и облагается гораздо более высокими пошлинами. Соответственно, заинтересованность евразийских государств состоит в том, чтобы достигнуть ассиметричной сделки, в которой в ответ на допуск на свои рынки мы получили бы концессии по другим вопросам. Это может быть и безвизовый режим, и экспорт энергоресурсов, и много чего еще. Как увязать эти домены между собой, как структурировать режим переговоров, чтобы они прошли успешно, это и есть главная долгосрочная исследовательская повестка дня. Когда придет время для таких переговоров, для них понадобится 5—6 лет. Они обещают быть очень сложными в силу комплексного характера и асимметрии интересов, даже когда политический кризис стихнет. Поэтому экспертному сообществу, в первую очередь, и соответствующим госорганам следует уже сейчас

готовить подложку этих переговоров, чтобы потом не терять времени. Спасибо.

А. Аслан:

Thank you. This concludes the speakers on this panel, and we are almost about to wrap up, Mr. Foreign Minister. But before we do, I promised Mr. Vedrine that he will get a chance to quickly respond to what you were saying and then we are also going to get quick questions from the audience. I am going to call on Professor Dutkevich in just a moment. Then I will yield it of course for closing remarks to Mr. Bystritsky, but Mr. Vedrine, take it away.

Ю. Ведрин:

Я прошу прощения. Мне скоро на самолет.

Я хотел сказать, что это действительно очень интересно, и я опасаюсь, что существует какое-то общее мнение в Европе, которое значительно отличается от того, что я могу услышать здесь. Поэтому крайне важно, чтобы подобные встречи продолжались. Я боюсь, что многие представители европейского сообщества теряют контакт с российской реальностью и я об этом очень сожалею. Собственно, именно поэтому я рад, что здесь много людей из Восточной Европы.

Я хотел сказать не только это, но и вернуться к последнему замечанию господина Лаврова. Я говорю с вами абсолютно честно, поскольку я свободный человек и никакую должность сейчас не занимаю. Я думаю, что в России есть политические течения разного характера в том, что касается отношения к Западу. Среди них есть и националистические, но существуют и другие. И я согласен допустить, что на Западе также есть сила, которая находит очень удобным поддерживать своего рода новую Холодную войну. Это служит определенному кругу лиц — будь то НАТО, США или промышленные круги, даже больше в США, чем в Европе. Но все-таки они имеют определенное влияние на европейское мнение. Да, это существует, но я думаю, что все-таки это не большинство. Американцы чтут другое, и это тема для отдельного разговора. Есть страны в Европе, которые боятся

Европы. Может быть, вы считаете это абсурдным, но это существует. Есть группы, которые хотят искусственным образом поддерживать напряженность, но большинство, как мне кажется, в частности в Германии и во Франции, эту точку зрения не разделяет. В Великобритании имеется другой подход.

Я хотел бы сказать вам, что я, бывший французский министр, остаюсь в контакте со всеми и хорошо осознаю эту реальность. Я знаю, что нам необходимо проделать огромную работу, со своей стороны, и нам также необходимо разумное поведение со стороны России.

А. Аслан:

Thank you. I am almost afraid that this will lead to another discussion but unfortunately we have run out of time. Let us get quick questions here from the audience before we yield it to Andrei Bystritsky to wrap it up. Go ahead, please.

П. Дуткевич:

Большое спасибо. Петр Дуткевич, Валдайский клуб и Карлтонский университет, Оттава. Вопрос к министру Лаврову. Европейский союз предложил пять принципов отношений с Россией, которые, по-моему, показывают, что у ЕС нет понимания того, как они должны сложиться в будущем. Они просто сосредоточились на том, что есть на данный момент. Можно ли спросить Вас, Россия ответит своими пятью принципами на это европейское предложение? А если ответит, какие идеи она сможет предложить Европейскому союзу?

С. Лавров:

Я видел эти пять принципов. Наверное, их видели все. Я помню, когда осенью 2014 года мы встречались с Федерикой Могерини на полях заседания ОБСЕ в Белграде, по-моему. Мы с ней говорили о том, что нужно как-то определять отношения, и она сказала, что она рассчитывает разработать креативную повестку дня для российских отношений с Евросоюзом и получить ее одобрение на заседании Совета министров

иностранных дел Евросоюза. Но произошло то, что произошло, и у нее явно получилась просто зарисовка того, что сейчас существует в реальности. Россия только в одном из этих пяти принципов упоминается. Ну, вернее, упоминается, что нужно обеспечивать энергетическую независимость, что нужно как можно меньше зависеть от внешних факторов, что надо продвигать восточное партнерство, это тоже не совсем безобидная вещь. Я знаю, что были попытки превратить это восточное партнерство в конструктивный процесс, но все-таки верх берут намерения делать что-то в пику России — дружить с нашими соседями в пику нам. Там же есть один из принципов, что там, где Евросоюзу выгодно, там он будет с нами сотрудничать. И работа с молодежью еще, да. Но не только Евросоюз этим занимается. Понимаете, эта программа — для них, это не программа отношений с Россией. Это то, как Евросоюз видит свою геополитическую роль и какие задачи он ставит перед собой. Мы же предложили — я упомянул об этом в предыдущем комментарии — провести совместную инвентаризацию того, где мы есть. Пройти прямо по всему списку механизмов, которые были созданы, начиная с саммитов. Россия была единственным партнером Евросоюза, с которым саммиты проводились два раза в год. И в лучшие времена возникал вопрос, а надо ли так часто. Давайте определимся, нужны нам саммиты или не нужны. Если да, то раз в год, раз в два года или три раза в год. Потом есть такой постоянный Совет партнерства, где Министр иностранных дел России и глава дипломатии Евросоюза должны проводить обзор всех направлений деятельности в рамках соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Кстати, если говорить о том, как у нас выстраивались отношения: когда Катя Эштон была высоким представителем по политике в области безопасности и по внешней политике, она ни одного раза не смогла провести постоянный Совет партнерства. Мы встречались на ходу: она что-то обсуждала про Ближний Восток, потом еще про какую-то кризисную ситуацию, а обзор отношений — а это важнейшая функция данного механизма — не проводился. Поэтому, я надеюсь, сегодня мы будем говорить с Жан-Клодом Юнкером. Президент, я надеюсь, ему предложит провести совместную инвентаризацию,

посмотреть на каждый из секторальных диалогов на предмет того, нужны ли они нам. Евгений Винокуров говорил про делегирование на наднациональный уровень большого количества полномочий, по-моему, 140. В Евросоюзе больше, но Комиссия хочет еще больше. Наши коллеги из энергетических компаний не упомянули этого, но идет серьезное напряжение в виду требования Комиссии вклиниться в двусторонние переговоры, в том числе в переговоры между компаниями. Мне кажется, что и внутри Евросоюза нужно как-то переоценить ситуацию. Нас обвиняют в том, что Россия хочет внести раскол, потому что она не разговаривает с ЕС, а хочет говорить с отдельными странами, которые ей симпатизируют. А как же нам быть? Мы не можем совсем отойти от Европы — это наш ближайший сосед, наиболее крупный торговый партнер. И если Комиссия заморозила свои каналы общения с нами, конечно, мы будем больше разговаривать больше напрямую с национальными правительствами. Спасибо.

А. Аслан:

Thank you so much for that reply and I want to take this opportunity to thank the distinguished speakers here. They shed light on some very complex issues, and I think they deserve a round of applause again from your side. They have done a remarkable job. Thank you. EU–Russia relations, I think Mr. Foreign Minister and all here in the room, one thing is for certain, the dialogue is more imminent and needed than ever. I think that was made abundantly clear throughout this talk. Now, to wrap up this session and to close the Valdai Session here today I am very happy to give the microphone back to the Chairman of the Valdai Club, Mr. Andrei Bystritsky.

А. Быстрицкий:

Я хотел выразить от имени Валдайского клуба огромную признательность всем: и нашим панелистам, и нашему замечательному ведущему Али Аслану, и всем тем, кто пришел сюда, чтобы обсудить отношения между Россией и Европейский союзом. Я повторю, что это важная тема для

Валдайского клуба. И те документы, над которыми мы работаем, и подготовленный доклад, который, кстати говоря, будет видоизменяться и шагать от встречи к встрече, обретая какое-то новое содержание, надеемся, будут вам интересны. Мы хотели бы еще раз поблагодарить всех и сказать, что мы продолжим заниматься вопросом отношений между Россией и Европейским союзом, как необычайно важным для нас. Надеемся, что наши скромные труды и организационные усилия не пропадут даром и принесут пользу всем, кто участвует в процессе понимания, развития, осуществления отношений между Россией и Европейским союзом. Большое спасибо.